

К 100-летию начала Первой мировой войны

Продолжение.
Начало в № 3

ГЛАВА 6
В плену

16 декабря того же 1915-го года на заводе Якова Мамина – очередной скандал. Четверо военнопленных, литейщики Антон Неуман и Владислав Чехура и слесари Войцех Ваха и Юзеф Найман, заявили владельцу предприятия, что они больше не будут работать на производстве боевых припасов. Объяснение простое: боятся расстрела после возвращения на родину.

В то же время ещё один «бунт» поднялся на строительстве казённого элеватора. Здесь было занято 250 военнопленных, и больше половины из них (160) от работы отказались. На этот раз одни сослались на болезнь, другие – на плохую одежду и обувь (в таком «обмундировании» невозможно выносить российские морозы), а трети даже объяснять ничего не стали («видно, по своей лени вовсе не хотят работать», – написал в донесении местный жандарм).

Наказания в отношении «бунтарей» никакого не последовало. Их просто отправили в Николаевск на другие работы.

К концу декабря 1915 года всего в Балакове на заводе Якова Мамина трудились 43 военнопленных, на заводе Ивана Мамина – 11, на заводе «Муравей» – 17, на постройке элеватора – 85. Ещё 57 находились в распоряжении городской власти и были задействованы на благоустройстве города, плюс 20, нанятых на подённые работы на подворьях балаковцев. А в Николаевском уезде проживали 3311 военнопленных (11 офицеров и 206 нижних чинов германцев и 25 офицеров, 4 врача и 3065 нижних чинов австрийцев). Причём, по национальному признаку, среди них 989 славян (в основном чехи), 231 румын, 246 мадьяр (венгров) и 1624 австрийца.

В конце ноября 1915-го

На краю...

(Балаково в годы Первой мировой войны)

Недостроенный элеватор, 1960 г.

самарскими жандармами было перехвачено письмо одного из военнопленных, поляка Станислава. Хоть он и проживал в Бузулуке, но обрисованные им бузулукские условия жизни вполне могли подходить и под балаковские:

«...У нас здесь суровая зима, почти уже месяц такая же, как на родине в феврале или январе бывает. Дни всё короче, продолжаются от 8 часов утра и до 4 дня. Ночь длится 16 часов. К счастью, керосин здесь остаточно дёшев, но вредит глазам такое чтение и писание в плохом освещении...

...При небольшом количестве жителей (около 20 тыс.) город занимает, однако же, большую площадь земли. Поймёте это только тогда, если будете иметь понятие о ширине здешних улиц. Все они около 40 метров шириной, поэтому, сопоставляя их с нашими узкими, они производят впечатление больших площадей. Так как мощение улиц стоит дорого, то о московской здесь не может быть и речи. Благодаря долгой зиме и сухому вообще лету это обстоятельство не дало бы себя чувствовать, если бы грунт был другой. Но здешний чернозём весной и летом является чем-то особенно страшным, так что вы понятия не имеете о том, что это и как в действительности выглядит грязь. На одной из таких улиц, по длине превышающей 2 ки-

лометра, мы живём в квартире, состоящей из трёх комнат для нас, комнатки для стражи и кухни, в которой спит также прислуга. В комнатке, где я живу, спят нас трое. В действительности не только спят, но и живут. Комнатка низкая, узкая, с маленьким окошком без солнца, без вентиляции. Одновременно ходить по этой комнатке втроём невозможно. Гуляем поэтому по очереди.

В 7 часов утра мы встаём, моемся по очереди холодной, со льдом водой, так как мы желаем закалить себя от этих ужасных холода, которые здесь господствуют. В 8 утра мы завтракаем. На завтрак получаем кофе и хлеб с маслом. Затем занимаемся уборкой своей комнатки. Между завтраком и обедом, который получаем около часу дня, каждый из нас делает то, что желает. Я преимущественно читаю и пишу. Иногда же, для развлечения, идём колоть дрова на дворе: разумеется, для себя и бесплатно. На обед получаем различные кушанья, но, большей частью, по 2 блюда. После обеда, около 3 часов дня, казённая часовая прогулка. По возвращении домой снова чтение, писание, игра на скрипке, в шахматы и т.п., вечером в 7 часов ужин. В 11 часов ночи мы должны спать.

Мы восхищаемся здешней зимой. В течение пяти дней падает, не переставая, снег; но, однако, не так, как у нас. Даже

и снег здесь не похож на наш. Временами падает мелкий, как пыль, не сверху вниз, но наклонно, с ветром. А ветер этот пронизывающий, холодный, загоняет снег в каждую, даже самую незначительную щель. В квартире, несмотря на достаточно хорошую законопатку деревянных стен, свирепствует сильный холод.

Квартира наша в действительности называется казармой, подати же за неё мы вынуждены платить сами, не получая ни копейки причитающихся нам квартирных. Мы сами должны покупать керосин и продукты. Поэтому из «жалования» не остаётся почти ничего: иногда рубль, иногда полтинник. Ввиду возрастающей дороговизны не знаю, чем будем питаться. Кажется, только хлеб, масло и чай – три самых дешёвых в России продукта, и их пока можно получать. Очень трудно с сахаром. Получаешь его только при помощи кулаков и на вес золота.

Говорят, что зимой здесь мясо бывает дёшево, но, в действительности, не так, как казалось бы, если принять во внимание, что его почти нет. Всё закупает для своих нужд войско. Несмотря на это, русские солдаты передают нам, что они мясо получают лишь в большие праздники. Это прямо неслыханная неспособность и глупота местных властей.

Вся здешняя жизнь, собственно, похожа на один большой роман майя (намёк на «древность», дремучесть. – Ю.К.), столько здесь неправдоподобного, но, в действительности, правдивого. Что за взгляды у здешних людей?! Прямо описать всего невозможно. Лучше охарактеризовать одним словом: грязь, грязь и грязь, всюду и во всём, на теле, в квартире, на душе и в душе».

Письмо большое. В нём он с ужасом вспоминает первые дни плены во Львове и надеется, что к рождеству будущего, 1916-го года война закончится и он вернётся домой и сможет, «упав вместе со снегом, всех поцеловать».

Юрий КАРГИН
Продолжение следует